

СРЕДА

Мы навсегда запоем ее девичник, а конкретнее — вечер, когда жгли костер на берегу. До тех пор жизнь была наполнена прекрасными моментами. Мы наслаждались солнцем на греческих берегах, угощались дзадзики и блестящими оливками, хохотали до упаду из-за какой-нибудь ерунды и танцевали босиком у кромки прибоя. Такие воспоминания бесценны, их нужно сохранять.

И если бы мы оказались немного проникательнее, слушали внимательно, не отвернулись друг от друга и не пытались сбежать от самих себя, то, возможно, предотвратили бы трагедию. Все могло сложиться иначе. От этой мысли становится лишь хуже.

Теперь же слишком поздно. Край красной шали, зажатый «молнией» мешка для трупа и трепещущий на ветру, навсегда запечатлен в нашей памяти.

Глава 1

ЛЕКСИ

Лекси опустила стекло, и в салон такси ворвался теплый воздух с ароматом сосновых игл и испарений, поднимающихся от нагретой солнцем не особенно плодородной земли. За окном мелькали ряды белых домиков, облепивших возвышающийся над ними синий купол церкви.

«Надо же, каким голубым и безоблачным, оказывается, может быть небо», — подумала она. Словно какой-нибудь

волшебник махнул палочкой, и вот перед ними уже не отполированные дождями тротуары Лондона, а ослепительно-яркое солнце греческого острова. Просто не верилось, что она здесь.

Сидевшая впереди Бэлла сняла темные очки и, поправив макияж, завязала беседу с водителем.

— Мы приехали на девичник. Вот невеста. — Подруга повернулась и указала на Лекси.

— Поздравляю, — ответил таксист, посмотрев на виновницу торжества в зеркало заднего вида и сверкнув темными глазами.

— Спасибо, — улыбнулась та.

Надо же, она выходит замуж. Лекси покачала головой, до сих пор не в силах прийти в себя.

— А я — подружка невесты, — гордо продолжала Бэлла. — Вы же в курсе, да? Самый важный человек, который занимается организацией вечеринки в честь прощания с незамужней жизнью.

— Ты сама себя назначила, — подала голос Лекси. — Я хотела обойтись без подруг невесты.

— Ну, разумеется. Ты и тусить перед свадьбой не собиралась.

— Что правда, то правда.

Слово «девичник» ассоциировалось у Лекси с красотками лет двадцати с небольшим, танцующими в донельзя коротких юбках и неудобной обуви на каблуках, нацепив на голову дешевую фату, и потягивающими коктейли через трубочки в виде фаллосов. Сказать по правде, будь ей двадцать, подобная вечеринка вполне пришлась бы ей по вкусу. Лекси пила бы залпом текилу, танцевала на подиуме в чем-то, отдаленно напоминающем платье, а потом, натерев себе ноги, скинула бы туфли на шпильках и осталась босиком. Но ей уже тридцать один, и как-то не хочется проснуться утром и испытывать неловкость и стыд, причем не из-за похмелья. Ведь Лекси — к большому удивлению всех знакомых — наконец выходит замуж за того, кто покорила ее сердце.

Впрочем, она и сама этого не ожидала. «Я люблю тебя». Слова вырвались неожиданно и, более того, совпадали с внутренним состоянием. Они с взъерошенными после сна волосами сидели на кухне в его квартире и завтракали. Молодой человек смеялся над своей неудачной попыткой приготовить накануне лазанью. Лекси начала возражать, что блюдо вышло вполне съедобным, да и вино спасло ситуацию, и вдруг добавила: «Я люблю тебя». Как-то само собой вышло. Три ранее не появлявшихся в ее жизни слова родились внезапно, пока рука тянулась от кофейника к стопке тостов из бездрожжевого хлеба.

Он поднял взгляд. Эду Толлоку было тридцать пять лет, густые темные волосы уже слегка тронула ранняя седина. Что в нем привлекло Лекси? Глубокий низкий голос? Исходившие от него спокойствие и уверенность? Эд долго не сводил с нее пристального взгляда, потом покачал головой и улыбнулся, словно не веря своему счастью. Он отодвинул в сторону чашки и взял ладони Лекси в свои, сжав их загорелыми пальцами с золотистыми волосками.

— Я тоже тебя люблю. И очень скоро сделаю предложение.

Толлок широко улыбнулся — так открыто и искренне, что Лекси не вырвала рук, не схватила с вешалки пальто и не выбежала стремглав на улицу, а посмотрела на молодого человека и сказала:

— Правда?

Через три недели Эд преподнес ей кольцо. Не было ни ужина при свечах, ни преклоненного колена. Пара прогулялась вдоль Темзы, держась за руки и глаза на уток, которые, взлетая, оставляли белый след на воде. Он задал вопрос, она ответила «да».

Лекси взглянула на золотой ободок на пальце: бриллиант ярко сверкал. Ей хотелось скромной свадьбы: собрать друзей и родных на старой мельнице, которую превратили в место бракосочетаний, и устроить простую церемонию с минимумом гостей. К чему покупать пышное платье,

делать стильную прическу и звать фотографа? Ей нужен только Эд.

— Я поняла: никакой помпы, — сказала Бэлла, когда подруга сообщила ей о предстоящем замужестве. — Но не думай, что тебе удастся откосить от девичника. Подобное в жизни женщины случается лишь раз, а значит, вечеринке быть, Лекси Лоу, так и знай!

И вот они на маленьком греческом острове Эгос, оставили позади аэропорт, толпы шумных туристов и вереницы баров и направляются на запад. Автомобилей на дороге попадаете все меньше, а сама дорога сузилась и пролегает по склону холма, заросшего кустарником. До девушек доносится звон колокольчиков, привязанных к шеям пасущихся коз, да крики ослов, укрывшихся в тени оливковых деревьев.

Лекси говорила подруге, что хотела бы провести время, нежась на солнце, купаясь, читая книгу и наслаждаясь едой. Секунды две Бэлла с серьезным видом кивала, а затем уголки ее губ поползли вверх, а брови изогнулись, свидетельствуя о совершенно других планах на эту поездку.

Сейчас она что-то рассказывала водителю, оживленно жестикулируя, а тот покатывался со смеху. Лекси улыбнулась. Господи, как же ей дорога эта брызжущая энергией молодая женщина! Она из тех, кому можно позвонить в любое время с самой безумной идеей, и, можно не сомневаться, эта идея будет встречена с энтузиазмом.

Полной противоположностью была Фэн, девушка Бэллы, уравновешенная и спокойная. Она сидела и смотрела в окно, а ветер шевелил ее коротко стриженные светлые волосы, и казалось, вот-вот сдует маленькую ласточку, вытатуированную сзади на шее. Фэн намурила лоб и сжала зубы. Исходившее от нее напряжение так контрастировало с привычной расслабленностью и доброжелательностью, что Лекси тронула спутницу за плечо и спросила:

— Что-то случилось?

Та вздрогнула и улыбнулась.

— Все хорошо. Прости, я задумалась.

В аэропорту Лекси почувилось, что отношения между Фэн и Бэллой натянутые — в воздухе витало какое-то странное ощущение, повисая неловкими паузами между репликами, которыми обменивались девушки. Что ж, она узнает у подруги, в чем дело, когда подвернется удачный момент.

— Спасибо, что разрешила нам остановиться на вилле тети.

— Это удачный предлог, чтобы снова приехать на Эгос.

— Бэлла рассказывала, что твоя родственница сама занималась дизайном дома.

Фэн кивнула.

— Да. Он предназначался одному из ее клиентов. Но в разгар строительства дела того пошли плохо, и он больше не мог оплачивать проект. Тете настолько понравился остров, что она выкупила виллу.

— Она жила здесь?

— Пару лет. Зимой погода на острове противная. Да и дом находится в весьма уединенном месте — ни соседей, ни дорог рядом. Думаю, тете тут было неуютно. Сейчас она предпочитает навещаться в свое гнездышко летом и приглашать толпу друзей.

Фэн снова уставилась в окно.

Всего на вилле их будет шестеро. Еще три девушки ехали в другой машине и завернули в город, чтобы закупить провизию. Лекси хотела было к ним присоединиться, но Бэлла заявила:

— С ума сошла? Вообще-то это твой девичник.

Невеста подумала, что, видимо, еще не раз услышит подобные слова в ближайшие два дня.

— Почти приехали, — сказал водитель и сбавил скорость.

Машина свернула с асфальтированной дороги на гравийную, такси начало подкидывать на ухабах. Лекси вцепилась в дверь. Автомобиль объезжал засыпанные камнями

ямы, оставляя за собой хвост пыли и приближаясь к побережью.

Они поднялись на вершину холма. Сначала все пространство впереди захватила искрящаяся на солнце лазурная гладь моря, а затем появилась вилла: каменный особняк с белыми стенами и голубой, в цвет греческого флага, крышей. Дом, словно корона, венчал утес, нависая над раскинувшейся внизу маленькой бухтой.

Потрясенная Лекси молчала. Бэлла захлопала в ладоши.
— Вот это да!

Дорога круто пошла вниз, позади вздымались клубы пыли, тормоза жалобно скрипели. Мисс Лоу наклонилась и смотрела вперед сквозь ветровое стекло. В глаза ей бросилось ярко-розовое пятно сбоку от дома — цветущая бугенвиллея.

Такси остановилось, двигатель продолжал мерно урчать.

— Ну вот и все, — шепотом произнесла Фэн, будто разговаривая сама с собой.

Лекси сняла темные очки и вышла из автомобиля. Несмотря на вечерний час, жара не желала отступить, словно придавливая к земле своим весом. Невеста любовалась белоснежными стенами и закрытыми голубыми ставнями. В воздухе пахло морем: свежестью с ноткой соли.

Подруги вытащили из багажника свои чемоданы. Под босоножками шуршал гравий.

Бэлла сама расплатилась с водителем, не принимая возражений Лекси, которая в итоге решила, что просто потихоньку добавит нужную сумму в общую кассу.

Такси уехало. Уперевшись рукой в бедро, невеста начала осматривать окрестности, пытаясь впитать в себя атмосферу острова и наслаждаясь видом: скалы, океан, горы. Никаких других строений поблизости не наблюдалось. Вдалеке раздалось жалобное блеяние горного козла. Неожиданно сдавило грудь. Лекси решила, что причиной тому — напряженное ожидание поездки и груз ответственности, ведь подруги проделали такой путь ради нее. Тем не менее сердце билось

все быстрее, словно невесту нервировал сам вид виллы. Хотя, может быть, все дело в уединенности места или причине, по которой они здесь оказались.

Подошла Бэлла и, улыбаясь, взяла Лекси под руку.

— Мы отлично проведем тут время, — сказала она, и ее улыбка стала больше похожа на оскал.

Глава 2

РОБИН

Робин остановила тележку в отделе замороженных продуктов, оттянула пальцем ворот футболки и подергала его в разные стороны. Кожу обдало струей свежего воздуха. Блаженство. Хотелось забраться в стоящий в супермаркете холодильник и прижаться к большим банкам с греческим йогуртом.

В глаза словно песку насыпали — как обычно после перелета. Похоже, на нее так действуют кондиционированный воздух и переутомление. Или она собирается заплакать? После рождения ребенка Робин часто этим грешила, словно функционирование слезных каналов изменилось, и они были готовы дать течь в любой момент и без видимой на то причины. Любая мысль, рекламное объявление или нежный взгляд матери, брошенный на сына, могли вызвать слезы.

Прошло несколько секунд, но носовой платок не понадобился — видимо, резь в глазах возникла от усталости. Ей почти не удалось поспать ночью, и не по вине Джека, который захныкал всего лишь раз. Робин спела ему колыбельную, подоткнула одеяльце и легла, но в голове теснилось множество мыслей. Она принялась вспоминать, достаточно ли тщательно проинструктировала родителей. «Виноградины нужно разрезать пополам; мультики нельзя смотреть дольше двадцати минут, даже если малыш начнет вопить; не снимайте панаму на солнце...»

Робин еще ни разу не оставляла сына с другими. Она пыталась наглядно объяснить ему, сколько это — четыре ночи, построив башню из разноцветных кубиков. Но Джек развалил ее своими пухлыми ручками, смеясь и радуясь новой игре.

Почему она испытывает чувство вины? Это же девичник Лекси, настоящей подруги, готовой подставить плечо в любой ситуации. Ради нее Робин прилетела бы на другой конец света. Лекси вела беспорядочную, яркую и притягательную жизнь, и Робин нравилось быть ее частью.

Правда, поручение сделать закупки в супермаркете ее совсем не обрадовало. Ну, конечно, чего еще ждать от Бэллы? «Ты так практична, — сказала та. — Я бы вышла из магазина с полными пакетами бухла».

Робин швырнула в тележку большую упаковку феты и банку оливок с пряными травами, представляя себе, как остальные уже плещутся в бассейне. А ее, похоже, считают вторым сортом. Интересно, они все так думают? Плохо, когда все принимаешь близко к сердцу. Билл, бывший муж, говорил, что она слишком чувствительна.

Да, видимо, Робин излишне эмоционально отреагировала на его измены.

И все же она с нетерпением ждала этой поездки и заслуженного отдыха. Последние два года выдались сложными. Хотя нет — такое можно сказать друзьям родителей. «Просто пипец» — вот точная формулировка. Робин была на седьмом месяце беременности, когда узнала, что Билл ей изменяет. И не с одной женщиной. Сложно было посчитать, скольких он уложил в постель. Робин, любительница жить по утвержденному распорядку и строить большие планы, даже понятия об этом не имела. Когда покрасневший и негодующий муж наконец сознался, она посмотрела на округлость, возникшую в том месте, где когда-то была ее талия, и подумала: «Как я буду воспитывать ребенка одна?»

Они продолжали жить вместе, пока не родился Джек, но три месяца бессонных ночей и холодных взглядов сделали

свое дело: их пара распалась. Робин с ребенком переехала к родителям, где и жила до сих пор. Билл виделся с сыном по субботам, привозил ему плюшевые игрушки, а затем возвращался домой, к своей новой девушке, у которой грудь не обвисла после кормления, а на животе не было ни растяжек, ни шрама после кесарева сечения. Робин знала, что должна относиться к своему телу как к карте жизни, но, если честно, предпочла бы старую версию себя: та могла лазить по горам, не мучилась от болей в спине, а в голове не стоял туман из-за вечного недосыпа.

Она покатила тележку дальше и в отделе кондитерских изделий столкнулась с сестрой Эда. Лоб Элеоноры покрылся капельками пота: похоже, в блузке и плотных шортах бедняге было ужасно жарко. На вечеринку по случаю помолвки Элеонора не пришла: Лекси объяснила, что будущая родственница недавно потеряла жениха, и ей сейчас не до веселья. Честно говоря, Робин в связи с предстоящим разводом тоже меньше всего думала о развлечениях. Но отказать подруге она не могла.

— Ты заметила, что за границей у тех же брендов вкус совсем другой? — спросила Элеонора. — Полагаю, все дело в молоке.

— Давай не рисковать. Возьмем побольше разной еды.

— Отличный план!

Она повернулась к полкам, и Робин заметила в ее корзинке шоколадные батончики и медовые орешки.

Девушки обследовали остальные отделы вместе. Элеонора набрала разных фруктов и овощей, добавила к ним пряные травы и свежий хлеб. Они расплатились, и Робин вытолкала тележку на душную парковку.

Под навесом магазина стояла Ана в ярко-оранжевом шарфе на голове, прижав мобильник к уху. «Вот уж у нее слезные каналы точно нормально функционируют», — подумала Робин. Они познакомились в аэропорту перед полетом, и Робин знала, что Ана — мать-одиночка, воспитывает пятнадцатилетнего сына, была вынуждена посещать